

Подлинные чувства

Стихи полагалось читать полузадушенным голосом, чтобы слова медленно поднимались из грудной клетки и спархивали с губ этими... снежными птицами. Освобождёнными туманными облачками, будто на морозе дышишь. И выражение лица такое, знаете, вроде колит обострился, но любовь к искусству побеждает боль. Одухотворённое страдание.

Тамара Александровна снова и снова становилась в балетную позицию (пятки вместе, носки врозь, спина прямая, подбородок поднят, руки опущены, но трепетны), устремляла взор на потолочную лампу и подавала пример. Потом замогильно повторяла, что её ученики в любых конкурсах побеждали, потому что читали правильно, и только Мила выплёвывает крокодилов. На самом деле Мила выплёвывала Маяковского, то есть его битые строчки, которые дерут горло и упираются в зубы. С Маяковским не до томности. А Тамара Александровна плавно вела рукой и через тяжкий вздох умоляла: мягче, Милана, мягче. Мила пыталась. Честно пыталась скруглять нескругляемое. Но без толку.

Начнём с того, что вот эта танцевальная поза Миле категорически не подходила. Тамара Александровна худая, с внутренним надломом, нервная шаль на острых плечах и всё такое. А Мила – крепко сбитые метр семьдесят, щёки как яблоки, руки под баскетбольный мяч заточены. Потом - голос. У Милы он низкий и слишком конкретный, исключительно по делу. Ну и вкус. Невоспитуемый! Маяковский и всё тут!

- Это невыносимо, - в конце концов сдалась Тамара Александровна. – Мне очень жаль, но от конкурса вам придётся отказаться.

Мила бы с радостью отказалась, но тогда и пятёрка по литературе уплывёт в голубые дали. А Миле она нужна, просто необходима, ведь по всем остальным предметам выходят именно пятёрки. И чтобы её получить, надо задобрить Тамару Александровну, позаниматься дополнительно, вдохновенно отыграть преданность Слову, и, самое неприятное, пережить городской конкурс чтецов – унылое сборище в Краеведческом музее, куда Миле придётся топтать в белой блузке и чёрной юбке, а там стоять перед всеми прилизанным убожеством и блять стихи. Маяковского хотя бы не поблеешь - слабое, но утешение.

Мила слезливо заморгала, выдохнула: «Нет... пожалуйста», для верности чуть покачнулась и схватилась за край парты.

- Вот! Вот видите! – обрадовалась Тамара Александровна. – Подлинные чувства, они у вас есть! Просто спрятаны, их нужно выпустить, понимаете?

- Да, понимаю, конечно, - пробормотала Мила.

- Но Маяковский для этого не подходит. Совершенно! Давайте, знаете что? Давайте не будем упорствовать, а попробуем Александра Сергеевича?

На самом деле это был не вопрос, а уже принятое решение. Мила подняла голову, упёрлась взглядом в портрет с бакенбардами (какой несимпатичный тип) и, ещё на что-то надеясь, уточнила:

- Пушкина?

- Пушкина! – торжественно подтвердила Тамара Александровна.

Он ведь жуткая попса! – почти воскликнула Мила. Но только почти.

Мама ясно дала понять, что не потерпит беспорядка в аттестате, что в нём необходима полная гармония. А Мила – боец и спортсменка, поэтому легко справится, это вопрос принципа и здравого смысла. И хотя та же мама характеризовала творчество Александра Сергеевича как «вакханки с лоханками», называла Онегина стервоидом, и в целом «наше всё» не уважала, Миле она не посочувствует. Скажет только: «А в чём проблема?».

Действительно, в чём? Выучишь что-нибудь попроще, сначала изобразишь кислородное голодание, к середине окрепнешь голосом, потрясёшь растопыренными пальцами, устанешь от бурных эмоций, прошепчешь в муках последнюю строчку, и всё, гулай. Схема проста, осталось реализовать. И выбрать бессмертное произведение. Тамара Александровна своё мнение навязывать не стала, ведь творческая свобода личности неприкосновенна. Предложила Миле взять стихотворение по душе. Справитесь? Вот и замечательно!

Не буду, - решила Мила. Не хочу, не могу, тошнит! Четвёрка – не трагедия, а вполне приличная отметка, маме придётся смириться. Ну что она сделает, что? Отберёт карманные деньги? Они на карточке. Отречётся от дочери? Запасной у неё нет. Лишит наследства – бабушкиного хрусталя и старой дачи типа домика трёх поросят? Да на здоровье. В общем, простите и прощайте, Александр Сергеевич, у нас нет будущего, точнее, у вас нет, увы-увы.

Мила вырвалась на улицу, жадно плотнула холодного воздуха и почувствовала как распрямляется спина. Вот уж действительно гора с плеч. Куртку застёгивать не стала, побежала к остановке как есть – нараспашку, без шапки и перчаток, покрасневшись от потаённого восторга. Подошвы словно пружинили, мышцы радостно предчувствовали

тренировку. Потом можно с девчонками в кофейню заглянуть. Или вместо кофейни в кино? По Пушкинской карте. Стоп, никакого Пушкина.

Но он уже влез в голову. Пушкин-Пушкин, где же кружка... я вас любил, голубка дряхлая моя... то как зверь она завоет, то заплачет как дитя. Мила достала наушники, открыла плейлист и запустила трек про плохих парней. Отлично!

Она покачивалась в автобусе, держась за поручень, и шевелила губами, беззвучно подпевая. За окном тянулся спальный район, серенький, зимний. Одинаковые многоэтажки, изредка – вывеска гастронома или шаурмичной, грязный снег вдоль обочины, перекрёсток, сквер, памятник Пушкину. Памятник и памятник, все они одинаковые. Миллион раз его видела, вообще перестала замечать, а сейчас почему-то заметила. Мила отвернулась, принялась разглядывать других пассажиров. Все такие надутые в оверсайзовых пуховиках, сардельки на верёвочках, одни носы из шарфов торчат и те к экранам телефонов опущены. Не на что смотреть. Мила вздохнула, уткнулась в свой телефон. Лента развернулась чередой ярких картинок: котики, котики, рецепт печенья, тест «кем вы были в прошлой жизни» и... «Какая ты дура, мой ангел! А.С. Пушкин». Чего?!

Потом было граффити на стене старого ДК: «Цой жив», и ниже: «Пушкин жив не хуже Цоя». Рекламная растяжка у входа в районную библиотеку «Я/Мы Пушкин». На светофоре к Миле подошла девица в необъятном пальто из чебурашки и с розовыми прядками, торчащими из-под шапки. Надпись на её сумке гласила: «Он сделает!», и оттиск знакомого поэтического профиля. Улица Пушкина. Хриплая песня из раскрытого окна заляпанной грязью приоры: «Ах, Александр Сергеевич, милый, ну что же вы нам ничего не сказали...». Окрик с другой стороны дороги: «Саша! Саша, погоди, я с тобой!».

«Это проклятье, - думала Мила. – Сглаз, порча». Правда в спортзале расслабилась, почти забыла. Мяч гулко ударялся об пол, девчонки вскрикивали, запахи пота, дезодорантов, резины и старых матов смешались в нечто привычное и приятное, мысли ускорились, превратились в отрывистые команды, а тело стало совершенным, гибким, сильным. И длилось это блаженство ровно до тех пор, пока тренер не выкрикнула: «Астафьева! Портнову Пушкин за тебя прикроет?!»

Из кофейни Мила ушла сразу. Не вынесла вида бакенбардов баристы. Вероятно, именно этот смуглый кудрявый бариста стал последней каплей.

Дома Мила с полчаса пострадала, не находя себе места и мысленно повторяя «Пушкин уходи», поняла, что не уйдёт, смирилась, открыла ноутбук, вбила в поисковую строку «все

стихи Пушкина». Интернет радостно вывалил на неё тонну ссылок. С комментариями. С картинками. С цитатами из писем. Мила читала, и не замечала, как призрак Александра Сергеевича обретает чёткость и плотность, а ближе к полуночи садится рядом и тихонечко вздыхает под скрип колёсика мышки. Покажи Наташу, - просит он. Наташа, мы всё уронили, - бормочет Мила. Уронили наше всё, - соглашается Пушкин.

У Наташи волосы спиральками вдоль лица и длинная шея. Наташа едет домой после бала в промёрзшей карете, а Пушкин навстречу и мимо, на берег Чёрной речки. Они не видят друг друга в морозных рассветных сумерках. Руки зябнут и внутри холодно. Кто предавал, тот предан. Мила безголосо кричит, вязнет в глубоком снегу, загребает его ногами, быстрее-быстрее, но не может добежать, как во всяком кошмаре. Тонкие тёмные силуэты вдалеке словно акварельные потёки на зернистой бумаге. Стойте! Я вам морошки принесла! Моро-о-ошки! Принесла-а-а! Стелется сизый пороховой дым, летят туманные облачка с губ, срываются в низкое тяжёлое небо белыми птицами. Саша! Саша, погоди, туда нельзя! Пищит светофор на перекрёстке, мигает красным. У Наташи розовые прядки и длинные серьги. Пушкин белозубо улыбается и сыплет корицу на душистую кофейную пенку. Тамара Александровна, я ничего не выучила. Но знаете, я долго читала. Знаете, я думаю, они ему отомстили за все подлости с женщинами и гадкие эпитафии, подстроили дуэль, когда он изменился, стал лучше, когда не хотел умирать. Или он хотел? А Дантес знал, что помогает им? А Наташа понимала, что происходит? И ещё сестра её, она ведь любила Дантеса, а другая – Пушкина. Зачем они так? Зачем интриги, тайные свидания, пустые разговоры? А сам Пушкин понимал, как вы думаете? Но он предчувствовал, я уверена. И мне почему-то их всех жалко, а вам?

Холодно. Чёрная речка и правда чёрная подо льдом.

Ах, Тамара Александровна, милая, ну что же вы нам ничего не сказали?..